

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ КОРПУСА РУССКИХ МОНЕТ
XVIII и XIX вв.

В конце XIX—начале XX в., на протяжении примерно четверти века, в значительной степени было осуществлено не замененное до сих пор издание русских монет XVIII и XIX вв.¹ При всем бросающемся в глаза тенденциозном антураже этой не доведенной до конца многотомной серии она занимает важнейшее место в нумизматике. Без нее не обойтись любому исследователю металлических денег России указанного периода, а ее каталоги исчерпывающи и почти безупречны.

Издание подкупает новаторским замыслом — последовательным сочетанием богатых подборок документов с синхронными им каталогами монет, воспроизводимых на таблицах. Сожаление вызывает лишь отсутствие материалов по бумажным деньгам, как бы не существовавшим для издателей. До какой степени замысел издания опережал нумизматическую традицию своего времени, свидетельствуют его «задапированные» переиздания — парижское (в переводе на французский, 1916 г.), по обстоятельствам военного времени оставшееся в России неизвестным, и бостонское (повторение парижского, опубликовано в 1978 г.).² В них невольное описание монет Александра III доведено до его смерти, зато полностью включены все археографические разделы.

Что касается сочности и цовизны опубликованных документов, то достаточно напомнить о шок, постигшем сразу два министерства — финансов и иностранных дел — после выхода уже первого тома Корпуса в 1888 г., который положил начало разоблачению авантюры екатерининского времени — тайной чеканки в Петербурге начиная с 1786 г. голландских червонцев — «лобанчиков».³

¹ Георгий Михайлович, ред. кн. 1) Монеты царствования императора Александра II. СПб., 1888; 2) Монеты царствования императора Николая I. СПб., 1890; 3) Монеты царствования императора Павла. Монеты царствования императора Александра I. СПб., 1891; 4) Русские монеты 1881—1890 гг. СПб., 1891; 5) Русские монеты, чеканенные для Пруссии, Грузии, Польши и Финляндии. Пруссия. 1759—1762. Грузия. 1803—1833. Польша. 1815—1841. Финляндия. 1864—1890. СПб., 1893; 6) Монеты царствования императрицы Екатерины II. СПб., 1894. Т. 1, 2; 7) Монеты царствования императрицы Елизаветы и Петра III. СПб., 1896. Т. 1, 2; 8) Монеты царствования императрицы Анны Иоанновны. Монеты царствования императора Иоанна III. СПб., 1901; 9) Монеты царствования императрицы Екатерины I. Монеты царствования императора Петра II. СПб., 1904; 10) Монеты царствования императора Петра I. СПб., 1914. Т. 2.

² Georges Michailovitch, *Grand Duc. Monnaies de l'Empire de Russie. 1725—1894*. Traduction française par Mme Nadine Tacké, née Lenivova, docteur de l'Université de Paris // Quarteroon Publications Inc. Boston: Mass., 1973.

³ Спаский И. Г. Когда и для чего впервые чеканились в Петербурге голландские дукаты? // ВПД. Л., 1978. X. С. 22—38.

В течение четверти века на средства вел. кн. Георгия Михайловича (1863—1919), но без участия его как автора шла дружная работа двух «редакций» — археографической и нумизматической, обеспечивавшая подготовку и сдачу в печать тома за томом в лучшие типографии России труда, посвященного истории денежного дела и монетам России XVIII и XIX вв., хотя каталог включал и убогие копеечки Ивана и Петра Алексеевичей, чеканенные с 1682 г. Тем ощутимее демонстрировалась внушительность монетной реформы Петра I, опередившей с ее десятичной системой Западную Европу на сотни лет и покорившей в течение 1700—1718 гг. с безобразным наследием русского средневековья — жалкими провололочными копейками.

По поводу очередных томов издания печаталось немало хвалебных отзывов. Ограничимся ссылкой на рецензию Н. П. Лихачева, посвященную четырем томам с монетами царствования Елизаветы, Петра III и Екатерины II.¹ Рецензия опубликована в самом издании; надо думать, автор послал рукопись для ознакомления издателю, а тот предложил «породнить» ее с изданием.

Заслуга замысла и начало его осуществления принадлежат вел. кн. Георгию Михайловичу. Как и называемые далее другие участники этого издания, он сделал все, что было в его возможностях, — вплоть до придания труду отмеченного выше «колорита». Время и неизбежное отсутствие возражений со стороны участников-исполнителей закрепили за изданием имя одного вел. кн. Георгия Михайловича. Возможно, найдутся «заступники» за честь великого князя; кто-нибудь непременно вспомнит старшего брата — Николая Михайловича — издателя великолепной серии русских «Некрополей», только у последнего находилось место и для предисловия, подписанного настоящим автором труда.

Когда работа коллективная только еще начиналась, ее непосредственными исполнителями на добрых 15 лет стали, не считая шефа-мецената, всего два человека: археограф, образовавшийся из чиновника Министерства торговли и промышленности, Михаил Густавович Деммени (рис. 1) и хорошо известный нескольким поколениям любителей русской нумизматики XVIII и XIX вв. Христиан Христианович Гиль. Больше всего побуждает почтительно говорить о М. Г. Деммени объем выполненной им для Корнуса работы. Если учесть и его собственные публикации, возникавшие в ходе его занятий в архивах,² участие в Нумизматическом конгрессе 1910 г. в Брюсселе и выполнение обязанностей секретаря нумизматического отделения Русского археологического общества, то довольно трудно представить себе, что же он успевал делать в министерстве, в службе в котором сообщает справочник «Весь Петроград» на 1916 г. Известно, что он был коренной петербуржец, об этом говорят могилы его родителей, брата и, кажется, деда в родном уголке Охтинского кладбища.

¹ Лихачев Н. П. Русские монеты 1741—1796 годов: (Критическая заметка). СПб., 1897.

² Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в Полном собрании законов с 1649 по 1881 г. / Сост. М. Г. Деммени. СПб., 1897. Т. 1—3.

Опубликованные сведения о нем обрываются скупой справкой: «около 1870—1920».⁹ Умер он в Новгороде, куда переселился не позже 1917 г.

Деммени включился в работу вряд ли позднее 1894 г., когда могли уже существовать договоренности о подготовке трехтомного

Рис. 1. Портрет М. Деммени (плакета).

«Сборника указов». Судя по не принадлежавшему издателю анонимному предисловию, Георгий Михайлович уже тогда находился во власти своего замысла, да и «Указы» вужшы были ему как каркас для будущих археографических подборок. По-видимому, Деммени

⁹ Весь Петроград, 1916, Отд. III, С. 203; Русский исторический журнал, 1921, Т. 7, С. 233.

работал у великого князя по разовой договоренности: на такой характер отношений указывает специфический тон первого упоминания о нем в материалах и предисловиях к томам Корпуса: «Документы рассматривал и собрал по моему поручению г. Деммени» (1888 г.), —

Рис. 2. Портрет X. X. Гилья.

и вторично сказано, чуть мягче: «Собрания по моему поручению М. Г. Деммени» (1901 г.). С 1889 г. Деммени уже состоял на постоянной службе по Двору великого князя и числился заведующим Миш-кабинетом.⁷ В третий и последний раз он упоминает в 1914 г. гораздо сердечнее и уже никак не отделен от других участников издания.

X. X. Гилья (рис. 2) родился в Висбадене в 1837 г. В 1867 г. приехал в Петербург, чтобы стать гувернером в состоятельной семье

⁷ ЦГИА СССР, ф. 530, Контора двора вел. кн. Георгия Михайловича, оп. 1, № 487, дело о службе злив. Миш-кабинетом М. Г. Деммени.

Толстых. Оставшись до смерти одиноким, он стал своим в доме Ивана Ивановича Толстого (1856—1916),⁶ долго болел и под конец жизни уехал умирать на родину. До самого отъезда в его ведении оставалась грандиозная толстовская коллекция русских монет. До приезда в Россию он питал серьезный интерес к античным монетам и уже успел кое-что сделать в этой области. Занимался он ими и в России, но здесь его захватило увлечение воспитанником Дмитрием Ивановичем и Иваном Ивановичем Толстых, начало которому положила находка в 1879 г. в их имени елизаветинских рублевиков.

Прошло немного лет, и, образовав своего младшего воспитанника, свободный от каких-либо серьезных обязанностей и совершенно чуждый масокомории, Гиль стал лидером русского монетоведения новейшего времени и признанным покровителем самого непритязательного, ориентированного только на монеты регулярной чеканки XVIII и XIX вв. собирательства. Он подхватил и модернизировал «табличную методу» своего предшественника, минералога и нумизмата Л. Пансера (1777—1851).⁹

Один или в соавторстве с учениками — И. И. Толстым и А. А. Ильиным (1857—1942), выступившими однажды, уже после его смерти, идущим, — он публиковал практические руководства-определители для собирателей, годные и для музеев.¹⁰

Губернер Толстых рано заинтересовал Георгия Михайловича, начавшего собирать монеты в 15-летнем возрасте, в 1877 г. Он, пожалуй, не отказался бы заполучить скромного толстовского губернера в свое полное распоряжение, да тот успел укорениться у Толстых. Для великого князя Гиль, начавший, по-видимому, с оплачиваемых услуг, стал привлекательным человеком, учителем и главным наставником в нумизматике.

Уже имевший обширную практику переписки с любителями и поисков особо редких монет и целых коллекций для Толстых, Гиль был, как тогда говорили, «фактором», а теперь сказали бы — «агентом» и для великого князя. Лучшего исполнителя каталогов, а заодно и руководителя всего дела трудно было бы отыскать. Гиль устраивало получение еще над одной коллекцией, но он предпочитал определенную независимость от претендента на его услуги, оставаясь под покровительством любивших его и ставших ему дорогими Толстых. Импонировала их изумительная для понимающего человека коллекция, избавлявшая его от необходимости слишком часто бывать у августейшего шефа. Примечательно, что, занявшись затем самым великим князем Корпусом, он так и не сделал того, что, казалось бы,

⁶ Жебелев С. А. Граф Иван Иванович Толстой. Пг., 1918; Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. VIII. С. 203—204.

⁹ Panzer L. Versuch einer tabellarischer Übersicht der russischen Münzen. St.-Petersburg, 1833; Русский биографический словарь. СПб., 1902. Том Павел—Петр. С. 268—269.

¹⁰ Гиль Хр. 1) Таблица русских монет двух последних веков. СПб., 1883; 2-е изд. 1898; Гиль Хр., Ильин А. Русские монеты, чеканенные с 1801—1904 г. СПб., 1904; Ильин А., Толстой И. Русские монеты, чеканенные с 1725 по 1801 г. СПб., 1910.

ожидали от него Толстые: их великолепная коллекция передавалась в 1917 г. в Эрмитаж, не имея ни каталога, ни хотя бы элементарной описи.

И. И. Толстой мог только радоваться, что его наставнику нашлось на старости лет столь увлекательное дело, дававшее ему и кое-какие средства. Сам он, вкисивши от прелести русских и византийских нумизматических древностей, стал равнодушен к новейшим монетам. Решая будущее своего уникального собрания, завещаемого Эрмитажу, после смерти Гиля он в 1913 г. освободил свою коллекцию от уже имевшихся в Эрмитаже монет XIX в., не пощади даже сверхредкий «константиновский рубль» 1825 г.¹¹

Формируя комплект за комплектом таблицы слопков, поступавших к нему из подручной толстовской коллекции, из Эрмитажа, от разных собирателей, порой даже из-за границы, Гиль сравнительно редко обращался к собранию Георгия Михайловича, пользуясь из него лишь уникалами и монетами лучшей, чем у Толстых, сохранности.

Вполне понятное желание увидеть напечатанным каталог своего собрания вслед за опубликованием его редкостей в 1886 г.,¹² как представляется, и было самым первым движением души начинающего собирателя к мысли о Корпусе. На деле же в размеченных по принадлежности монет десятках таблиц рабочего комплекта А. А. Ильина (в Эрмитаже) пометка «В. к.» (великий князь) встречается не чаще, чем «Ильин», «Зубов» и многие другие, и обилие на всех таблицах монет Толстого и редкостей Эрмитажа делают Корпус Георгия Михайловича прежде всего наиболее полным каталогом новейшей части русского эрмитажного собрания.

Первым путеводителем по истории формирования Корпуса послужит нам расположенный по годам выпуска список всех изданий Георгия Михайловича, включающий и издания, не принадлежащие к Корпусу непосредственно. Он сразу же внушает уверенность в том, что замысел Корпуса овладел юным Георгием Михайловичем со времени его знакомства с Гилем, влияние которого сыграло в этом решающую роль. Кроме того, принятый поначалу порядок (точнее, беспорядок) выпуска первых томов убеждает, что Деммени, даже до того как приступить к выборке из Полного собрания законов материала для «Сборника указов», уже не первый год был паделен на систематический подбор документов — скорее всего еще по в архивах, а по протекции великого князя в соответствующих учреждениях и министерствах. Иначе он не располагал бы таким свежим материалом второй половины XIX в., который еще не мог уйти в архивы. Подручный материал канцелярий не может не быть лучше славяемого в архив остатка. Обеспечить такой путь к источникам в эпоху раздуваемого после гибели «царя-освободителя» казенного штегера было по плечу лишь великому князю. Эти соображения по-

¹¹ A. Hess Nachf. Sammlung Graf I. I. Tolstol: Russische Münzen des 19. Jahrhunderts. Auction 10 III 1913. Frankfurt am Main. 1913.

¹² Георгий Михайлович, вел. кн. Описание и изображения некоторых редких монет моего собрания. СПб., 1886.

звоят усомниться в правильности предположительно названной даты рождения Деммени — 1870 г.

Приобщение Деммени к археографии представляется первоначально как работа по чьей-то рекомендации у великого князя в роли консультанта или референта по истории. Если он начинал в качестве «наемника», как, вероятно, и Гиль, то заменявшие последнего во время болезни и окончательно заменившие после смерти Ильин (рис. 3)

Рис. 3. Портрет А. А. Ильина (рис. Г. Верейского).

и Толстой (рис. 4), люди вполне обеспеченные и обремененные многочисленными основными обязанностями, трудились во славу нумизматики по доброй воле, рассчитывая лишь на благодарность таких же, как они, любителей-читателей и только в меру возможности на благодарность издателя. Находясь во власти общего увлечения, они отдавали делу что могли: время, умение, опыт да еще доброту и скромность. Но не будем исключать из рассматриваемого предприятия и Георгия Михайловича (рис. 5). Как и его коллеги, он усвоил, что его положение в обществе (если не над ним) и вытекающая из него

фатальная непреодолимость поведения и оговаривающих условий цепко держат его на определенной «орбите». Однако, предоставив общему делу как прикрытие от излишней пристального внимания свое имя и финансируя издание из средств своего Двора, он открывал совершенно небывалые, фантастические возможности публикации.

Рис. 4. Портрет П. Н. Толстого (рис. И. Гринманна, 1913 г.).

Для археографического поиска, которым он «руководит», давал свои «указания», великокняжеская протекция сдувает все нарастающие перед замыслом Корпуса цензурные запреты. Она обеспечивает доступ к архивам или действующим документам учреждений и служб в столице и на любом удалении от нее. Она же дает беспрецедентный доступ к сокровищам императорского Мищ-кабинета и Эрмитаже. Корпус предположено было печатать в лучших типографиях страны: таблицы — в Экспедиции изготовления государственных бумаг с ее новинкой — фототипией, каталоги — у Бенко. Но все это станет явью лишь в том случае, если издание будет последовательно пред-

ставлено всем как дело исключительной инициативы самого издателя, его личное начинание, а ради этого там, где принято обозначать имя автора, должно стоять его «августейшее» имя. Поэтому фактическая анонимность труда может быть объяснена и как результат некоего «сговора» истинных авторов во имя задуманного дела.

Рис. 5. Портрет великого князя Георгия Михайловича.

Мне довелось совсем недолго знать Алексея Алексеевича Ильина — одного из «заговорщиков» — и работать рядом с ним. Об отношении к делу второго «заговорщика» — Ивана Ивановича Толстого — слышал только от его сына, академика, навещавшего иногда отцовскую коллекцию и любившего посидеть около уютных «толстовских» шкафов.¹³ Вслед за Ильиным и Толстым, во всяком случае с того времени как Х. Х. Гиль отошел от руководства изданием и вся полнота ответственности легла непосредственно на Георгия Михайловича, великий князь трезво и сознательно пошел на то, чтобы его ювоше-

¹³ И. И. Толстой и А. А. Ильин вместе закупаали шкафы для своих монетных коллекций. Их шкафы «встретились» после их смерти в кабинете русских монет в Эрмитаже.

ская, поначалу честолюбивая затея стала делом кружка твердо перивших в порядочность друг друга людей.

Душой и умом издания в первые 10—12 лет был Х. Х. Гиль. В его руках находилось управление всем делом издания примерно до 1900 г. Дальновидно и предусмотрительно планируя, он упорно стремился к опережающему обеспечению будущих томов таблицами. Нужно было организовать довольно широкий фронт изготовления слепков требующихся монет в Эрмитаже и у Толстых, а кое-что заказывать в Москве и даже за границей. При этом требовалась уверенность в том, что он наизубок знает все издаваемые монеты в их последовательности и ничтожнейших разновидностях. И он действительно знал их безусловно благодаря опыту своей табличной работы. Облегчал дело и отказ от данных о весе, пробе и т. п. — им отводились специальные таблицы.

Кажущуюся странной спешку с безмерным опережением в комплектовании таблиц, вероятно, могла стимулировать сама по себе просто невероятная возможность получения в слепках всего требующегося из Эрмитажа. Такой апаток, как Гиль, легко мог составить список нужных слепков. Для него было очевидно, что если не будет задержек из-за Деммени, то сами по себе монетные выпуски трех последних царствований никаких затруднений не представляют. Тома с этими новейшими монетами могут понадобиться исследователям в неопределенном будущем, но почему бы не выпустить их раньше. И вот без особого порядка идут в публикацию монеты Александра II, за ними — Николая I, Александра I и Александра III (даже не дожидаясь конца царствования). Заводно публикуются небольшие, но важные «привески» к русской нумизматике — материалы прусской, грузинской, польской и финляндской чеканки. Пока эти почти не требовавшие умственной работы тома будут издаваться, выигрывается время для все более ответственного подбора и заготовки впрок таблиц монет XVIII в., а главное получает больше времени Деммени, которого ждут командировки в Москву и Екатеринбург и неизвестность недавно еще совершенно неприкосновенных архивных фондов XVIII в., не раз горевших, подмокавших в наводнениях и лежащих в чиновничьем забвении. Представляется, что так пришло разумное решение идти и дальше через все падение только вспять, но от простого к сложному.

Одним из первых затруднений явился только что вырвавшийся из «неприкасаемости» секретный рубль Константина 1825 г., избудоравивший любителей нумизматики. Он уже был у Георгия Михайловича (получен им при августейшем дележе архивной находки), был и в Эрмитаже, а самый первый из ставших известными — и у Толстого. Георгий Михайлович после сенсационной публикации Д. Ф. Кобеко 1880 г.¹⁴ уже писал о нем, издавая в «Редкостях» свой экземпляр. Где же помещать его? Сразу после монет Александра I

¹⁴ Кобеко Д. Ф. Рубль императора Константина // Русская старина. 1880. Т. 27. С. 187—189; Спасский Н. Г. По следам одной редкой монеты. М.: М. 1964.

или на самой первой таблице в томе монет Николая I? Безопасное было поместить его в конце обзора чеканки Николая.

К рубежу XX в. изданию подошло, имея в активе отмеченные по-настоящему лестной рецензией Н. И. Лихачева четыре несомных тома монет царствовавших Елизаветы, Екатерины II и Петра III. Археографические разделы в них полны никогда еще так обстоятельно не публиковавшимся материалом о чеканке меди на временных провинциальных дворах. Далось это нелегкой ценой: Деммони пришлось перевернуть и реорганизовать Екатеринбургский архив, составу которого он посвятил специальную публикацию.

Обратимся теперь к предисловиям, которые писал и подписывал сам Георгий Михайлович, бывало и просто «подмахнув» услужливо предоставленную справку, как, например, составленную начальником Монетного двора Н. П. Фоллендорфом в томе монет Александра I. Эти предисловия позволяют постичь характер и истинное существо рассматриваемого издания да и характеры бывших над ним людей.

Предисловия открывают нам заботы, все больше одолевавшие издателя. Из них первой стала мысль о страдавшем от прогрессирующей беспомощности, болезни и наступавшей слепоты Гиле. Тома поначалу шли бойко; бывало, что дата выпуска повторялась на титульных листах, но постепенно увеличивавшийся разрыв между томами стал тревожить. В самом первом предисловии 1888 г. выражалась почтительная благодарность Гиле «за помощь словом и делом», и перед этим походя было отмечено, что «на таблицах помещены все монеты (данного царствования. — И. С.), известные лучшему знатоку русской нумизматики Христиану Христиановичу Гиле и мне». Это не очень удачное выражение еще дважды заученно повторялось в 1890 и 1891 гг. А интервал между томами 1896 и 1901 гг., несмотря на лежавшие без движения комплекты готовых таблиц, занять было ничем. Становилось ясно: писать каталоги некому.

В каком-нибудь предисловии можно было уклониться от выражения благодарности, но в следующем приходилось сообщать, что, как и все прежние выпуски, новый том создан только трудами Гиле. Это даже не было неправдой, так как в спешке минувших лет счастливой работы именно Гиль наготовил впрок такую гору таблиц, что их хватило почти до конца издания. В 1893 г. читаем: «Описание монет этого отдела составлено под непосредственным руководством известного знатока русской нумизматики Хр. Хр. Гиле. Варявнты монет отмечены по самому богатому монетам этого отдела (имелась в виду чеканка Елизаветы Петровны для Пруссии. — И. С.) собранию г-ра И. И. Толстого». Действительно, Толстой имел все основания гордиться поразительной полнотой подбора этих очень редких и неизученных монет, как, впрочем, и всех монет «окраин». Уж этот-то каталог от первой до последней строки писал, конечно, сам Толстой между другими делами, которых у него в 90-х гг. было предостаточно.

В 90-х гг. скорее всего у самого И. И. Толстого возникла мысль поддержать силы и поднять дух доброго старика Гиле, отметив 25-летие его нумизматической деятельности в России. За точку

Гис. 6. Юбилейная медаль в честь Х. Х. Гиля (автор А. Ф. Васютинский).
а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

обретают в собрании денежных — золотых, платиновых, серебряных и медных — знаков великого князя Георгия Михайловича. Сие удивления достойное по множеству, по разнообразию и по доброте собрание составился по малу тщанием великого князя Георгия Михайловича в КЕ (25) летех. Начатся мѣца декабря лета ~~1877~~ (1877), а имать к генварю лета ~~1903~~ (1903)».

Далее в двух столбцах, для монет и медалей, с графами для металлов приведены подробные сведения о составе собрания и общий итог: по монетам — золота 700, платины 51, серебра 10 601, меди 4697 и всего 16 049; по медалям — золотых 385, платиновая 1, серебряных 1853, медных 1133 и всего 3371.

Только в 1901 г. в очередном предисловии издателя нет упоминания о Гиле и благодарность адресуется обоим его ученикам: «особенная признательность» — Ильину «за советы и полезные указания», а Толстой назван лишь среди немногих владельцев публикуемых редкостей. Таково же упоминание о нем в 1904 г., где Ильину высказывается опять «благодарность за содействие в деле описания монет». Не приходится сомневаться, что А. А. Ильин — автор каталогов обоих томов, а Толстой — владелец около 90 % указанных монет.

Х. Х. Гиль умер в сентябре 1908 г. в Дрездене, куда уехал лечиться. Некрологи называют разные даты его смерти — 14 и 15 сентября,¹⁶ а постыдный жетон (рис. 7, а, б), которым проводила Гиль отечественная «нумизматическая Сухаревка», предлагает, кажется, 19-е. Гравер штемпеля в силу крайнего невежества «наградил» покойного небывалым званием «великого русского нумизмата». Одна пристойная медалька с портретом и надписью: «Доброму помощнику русских нумизматов. 1869—1908» (рис. 8, а, б) — выпущена некая фирма, возможно Жаккара.

Долгая болезнь Гиль годами тормозила издание, а после его смерти оно и вовсе прервалось. Лишь типографии еще было что делать — фотографировать, клишировать и допечатывать последнюю партию подготовленных Гилем таблиц для царствования Петра I. Возобновление сколько-нибудь нормальной работы над каталогом затруднялось еще и тем, что Гиль составлял текст каталогов прямо с листов таблиц и никакого «организованного» наследия не оставил. Нужно было ориентироваться на ранее выпущенные каталоги. «Антракт» между тем затянулся уже совсем неприлично. Видимо, в Экспедиция беспокоила контору великого князя напоминаниями о наличии готового комплекта таблиц для запланированного I тома монет Петра I (1682—1710 гг.).

В конце 1913 г., когда писалось предисловие к этому тому, возможно, было уже готово и большинство таблиц следующего тома

¹⁶ Деммени М. Христови Христовинович Гиль. † 15 (28) септември 1908 г. // Звн. имп. Русского археолог. о-ва. 1909. Т. 1, вып. 2—3, С. 1—11; Орешникова А. В. Х. Х. Гиль. † 14 септември 1908 г. // Нумизматический сборник. М., 1911. Т. 1. С. 621—624.

а

б

Рис. 7. Жетон в память Х. Х. Гпля.

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

а

б

Рис. 8. Медаль в память Х. Х. Гпля.

а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

(за 1711—1718 гг.); завершение издания казалось таким близким, что Георгий Михайлович решился обойтись без прежних «церемоний». Он писал: «Выбор монет, помещенных здесь, и распределение по типам и разновидностям обеих сторон и другим признакам были сделаны покойным маститым знатоком русских монет, моим незабвенным учителем. . . Это его последняя работа на пользу русского монетоведения». Но здесь же отмечено, что Ильин и Толстой «любезно ваяли на себя довести до конца работу своего учителя», т. е. написать каталог. Вполне ясно, что слепки последних таблиц к этому времени были подобраны для фотографирования еще самим Гилем и что очередь до них дошла во всяком случае после выхода тома монет Екатерины I и Петра II, когда Гиль еще был жив. В Экспедиции скорее всего находилась уже и фабрика для фотографирования последних слепков с монет Петра I.

Выполненный И. И. Толстым и А. А. Ильиным вполне самостоятельно и изданный в 1914 г. том стал испытанием для них: со многими из его самых коварных монет они встретились впервые и притом не в потуре, а лишь на подготовленных Гилем таблицах. В таком случае были возможны накладки, и они не заставили себя ждать.

Наиболее неприятные промахи связаны с десятком пробных монет, составляющих сегодня вполне созревший для его постижения комплекс, а тогда он еще терялся среди массы других петровских монет. Первый шаг приближения к еще не раскрытой теме петровской нумизматики сделала Е. С. Щукина, опубликовав в 1962 г. документ, рассказавший о встрече Петра I в 1710 г. с его «Лопшою» — не знавшим грамоты русским скульптором и мастеровым человеком Федором Алексеевым, который показывал царю придуманный им «инструмент» для початания надписей на гурте монет.¹⁷ В производство это изобретение не внедрилось: может быть, оно было слишком громоздким или требовало дополнительной операции, удорожающей и замедляющей выделку медной монеты, ради которой оно было придумано?

Откуда такая заинтересованность в гурчении медных монет? Вскоре после выхода в обращение медной петровской копейки начался приток через польскую границу масс выдольвавшихся в неприступных поместьях польских магнатов фальшивых копеек, очень раздражавших Петра и его «монетную администрацию». Теперь это хорошо известно отчасти и благодаря находкам Демени. По-видимому, перед 1708 г., которым датирована самая ранняя проба Ф. А. Алексеева, Петр посетил Адмиралтейский монетный двор и дал толчок конструкторской мысли Алексеева рассказом о виденном им гурчении монет в Лондоне. Каким был принцип действия «инструмента» Алексеева, вероятно, мы никогда не узнаем. На пробных монетах можно лишь увидеть, что гурчение производилось между двумя плашками с полукольцевыми вырезами; одна из этих плашек несомненно была подвижной.

¹⁷ Щукина Е. С. Медальерное искусство в России XVIII в. Л., 1962.

Те пробные монеты, которые показывал царю в 1710 г. Алексеев, есть в Каталоге, но они описаны не с самих монет, а с таблиц, где гурт не виден. Вся сорня 1708—1710 гг., которую наметанный глаз, казалось бы, сразу должен выхватить (по руке Алексеена) из россыпи монет того времени, описана в трех местах Каталога: на одной монете — в 1708 и 1709 гг., остальные все вместе — в 1710 г. Все, кроме одной денги, оказавшейся у Георгия Михайловича, хранятся теперь в Эрмитаже.

Описание самой ракией монеты правильно выдвигает ее в том же 1914 г. как пробную под № 1382 (табл. XLV, 27). Кружок с обычным «копеечным» всадником в веночке на дубовых листочках, без легенды, лишь с арабской датой под конем и пятистрочной легендой с именем и титулом на обороте имеет четко вырубленную границу гурта; думается, эта монета взята для показа хорошей просечки. Подобна ей и монета 1709 г. № 1556 (табл. L, 28), только на обороте в шестой строке есть еще буквы «М. Д.» (в каталоге Рейхеля¹⁸ это № 1129). Эта проба предлагает оригинальное «инкантиграфное» гурчение, для которого требуются фигурная высека и обжимка каждого зубчика и колец плашек «под шарик».

Погрешности начинаются в группе копеек М. Д., к которой в самом конце ее подверстано описание непознанной алексеевской пробы № 1699 (табл. LV, 27). Монета почти не отличается от других копеек этого раздела, имеет славянскую дату, но выглядит чуть щеголоватее. Сверяясь с каталогом Рейхеля, нетрудно было бы опознать ее в № 1164 — с гуртовой надписью: «Московская, капейка мапетного. денежного двор. . .». Дальше под № 1700 (табл. LV, 22) описывается не входящая уже в эту группу явно пробная монета, для которой в виде исключения даже приведена гуртовая надпись. На ней тот же алексеевский «копейщик» в веночке на листьях дуба, арабская дата — «1710», а под нею еще и буквы «М. Д.», а на обороте опять строчная надпись. Упущение усугубляется еще и тем, что проба описана среди медных монет, по отчеканена из серебра.

На непосредственно следующей таблице, а в Каталоге на черной в разделе «Денги» помещена монета собрания Георгия Михайловича, парная к описанной выше копейке 1710 г. Как и та, она несомненно имеет гуртовую надпись, не огороженную и не приводящую составителей. Следом за ней описываются еще три совсем другого вида и, конечно, веса (который в Каталоге вообще не указывается) пробные «денги» поменьше. У двух из них не описаны гуртовые надписи (ср. Рейхель, № 1165 и 1166). Они важны для нас: гуртовая надпись одной наполовину перевернута, третья — такая же проба, но без гуртовой надписи. Последняя в этой серии — единственная полушка, крохотная монетка с гуртом в виде цепочки из колечек (ср. Рейхель, № 1167).

¹⁸ Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg. St.-Petersburg, 1842. Th. 1.

Это был последний том, который держали в руках его создатели. Предисловие Георгия Михайловича к тому 1914 г. датировано декабрем 1913 г. И это позволяет признать, что том действительно вышел в 1914 г., но, вероятно, уже во время первой мировой войны, очень быстро нарушившей многие из ранее существовавших связей. Реализация выпускавшихся томов всегда производилась копторой великого князя.¹⁰ Если тираж тома 1914 г. был выпущен туда, то в силу последующих событий он не был реализован. Остается фактом, что 19 февраля 1928 г. А. А. Ильин писал А. В. Орешникову, что для библиотеки Исторического музея, все еще не имевшей этого тома, он «сосватал» ему единственный оставшийся том, имеющийся в библиотеке ГАИМК. Три комплекта в библиотеке Отдела нумизматики Эрмитажа имеют том 1914 г. Один из них происходит из библиотеки Ильина. Карандашными пометками А. А. Ильина пострат многие страницы этого тома и тексты и иллюстрационной части, где на таблицах аккуратно отмечена принадлежность и в каких-то случаях той или другой коллекции (И. П. Толстого, самого вел. князя, Эрмитажа и других собраний). Имеется в Библиотеке Отдела нумизматики и еще несколько экземпляров тома, изданного в 1914 г.

В архиве Ильина в Эрмитаже сохранился разорванный черновик — «отпуск», писанный рукой Н. П. Бауера, к сожалению, без даты, но, по-видимому, незадолго до описываемого далее происшествия: «В Экспедиции заготовления гос. бумаг печатались таблицы для труда великого князя Георгия Михайловича, текст которого печатается в типографии Бенке. Готовые тома находились на складе в Экспедиции. По наведенным справкам (частным) оказалось, что том с описанием монет Петра I (Монеты царствования императора Петра I, том II, 1682—1710. С.-Петербург, 1914) находится в Москве, на складе в Музее Голяка. Там и должны, по-видимому, находиться таблицы, заготовленные для тома III (монеты 1711—1718 гг.), текст которого, насколько известно, набран не был. Желательно получить для Эрмитажа 2 комплекта таблиц к вышеуказанному тому III и несколько (5) экземпляров тома II.²⁰ Это обращение, если оно состоялось, было безрезультатным.

В 1925—1928 гг., будучи студентом Ленинградского университета, свободное от посещений лекций время я чаще всего делил между Отделом нумизматики Эрмитажа (на антресолях Двенадцатиколопного зала) и Этнографическим отделом Русского музея (теперь это самостоятельный Музей этнографии народов СССР). В первый меня ввел Н. П. Бауер, у которого я в одиночестве слушал два года курс западноевропейской и русской нумизматики. Бауер платы не получал, по университету раз в неделю предоставлял ему

¹⁰ Приглашение обратиться за выходными томами труда (на Офицерскую, 15) печаталось на задней стороне мягкой обложки, в которой книги выходили из типографии.

²⁰ Типография «Исполнитель Двора» Бенке производила набор и печать всей текстовой части издания; готовые листы доставлялись для переплета вместе с таблицами в типографию Экспедиции. Приведенная в письме Н. П. Бауера нумерация томов условна.

аудиторню. Унававший об этом от меня же А. В. Орешников, изрядно не любивший Бауера как защитника взглядов И. И. Толстого, как-то в полемическом задоре обозвал его в печати ни к селу ни к городу «приват-доцентом».

И приехал в Ленинград со скромным заделом по теме «Дукати Украины»; с одобрения Бауера она стала моей дипломной работой, а много лет спустя оживла и в книге.²¹ С нею я в первый же год успел побывать и у Орешникова в Историческом музее. Эта тема, внушительная мне сестрой — Евгенией Курьевной Спасской (1890—1980), которой я многим обязан, и влекла меня к нумизматам Эрмитажа и в Украинский отдел Русского музея. Защищаясь однажды у последних в их библиотеке, я обратил внимание на тонкие каталожные карточки, нарезанные из тонкого картона каких-то нумизматических таблиц. Ничего удивительного в этом я не видел: все канцелярское дело разоренной годами войны страны еще недавно жило бумагой, выданной на архивных связок, а чаще писали на оборотной стороне старых документов. В эрмитажской библиотеке тогда же использовались для карточек широкие поля вульгарно-роскошных альбомов, залежавшихся с романовских торжеств 1913 г. Но на карточках Русского музея были монеты Петра I, и я подумал: вдруг это интересно для Эрмитажа? И не ошибся.

В Эрмитаже я набрался смелости подойти к Ильшину. Все свои четыре часа, на которые его приносили на эрмитажской лошади с Пряжки, из его «Картографии», он сутулился над своим столом, как всегда подпирая левой рукой голову из-за болезни шеи. К общему столу, куда сходились завтракать, он никогда не приходил. На меня он не обращал внимания — может быть, потому, что в чем-то не одобрял Бауера, очень доброго ко мне. Это не помешало ему всего через несколько лет в полном согласии с Бауером поручиться за меня перед дирекцией Эрмитажа как заслуживающего доверия кандидата на должность хранителя медалей. После моего сообщения Алексей Алексеевич растерялся, даже в лице поременился и только спросил: «Откуда это у вас?». А услышав ответ, сразу собрался и как можно быстрее ушел. Как потом выяснилось, — к И. А. Орбели, и вместе с ним они отправились к тогдашнему директору Эрмитажа. Через несколько дней в библиотеку Эрмитажа было привезено из Русского музея около 150 комплектов таблиц с монетами Петра I 1711—1718 гг., по 50 штук таблиц в каждом: сорок (с № LVI по XCV) вполне законченных, с допечатанными номерами таблиц и монет и еще десяток недопечатанных таблиц, без нумерации, с монетами всего 1719 г. Как видно, никому и в голову не пришло во время упомянутых выше поисков справиться в Русском музее, управлявшемся до 1917 г. Георгием Михайловичем.

Судя по предисловию вынужденного в 1914 г. петровского тома Каталога, 40 вполне готовых таблиц составляли полный комплект следующего тома, а еще один том должен был включать монеты

²¹ Спаський І. Г. Дукати і дукати України. Київ, 1970.

1719—1725 гг. По всей вероятности, археографический том рассматривался как дополнение к этому изданию. Можно лишь предполагать, что фототипический цех закончил комплект II тома в 1915 или 1916 гг. и на первом же десятке таблиц следующего тома остановился так основательно, что Георгий Михайлович, опасаясь за сохранность тиража, предпочел перевезти все напечатанное к себе в музей. И это могло произойти скорее всего еще в 1916 г.²² Добавлю, что А. А. Ильин, автор последнего тома Каталога, об этом уже не знал.

В результате порожденная войной разруха остановила издание. Применяясь к общей картине хода издания, убеждаемся, что Гиль умер со спокойной совестью, обеспечив наборами сленков все таблицы задуманных томов. Война остановила выполнение заказа, тем более что и у заказчика не могло быть никаких оснований торопить типографию.

О полном успехе Ильина и Орбели я узнал через несколько дней, прийдя на лекцию Н. П. Сычова, который тогда был директором Русского музея. Проходя мимо меня, он подмигнул и шепнул: «Убедил!» Таблицы благополучно сохранились во время блокады; впоследствии музей и учреждения, имевшие тома Корнуса, могли получить в Эрмитаже по комплекту таблиц последнего тома. Посылались они и некоторым зарубежным музеям по соответствующим лицензиям.

Репрессированный в 1933 г., и оставил работу в Эрмитаже и снова вернулся сюда в январе 1946 г. Весной того же года А. А. Маркова, глубоко, как и я, чтившая Ильина, привезла меня поклониться его могиле на склоне Парголовского холма, над озером. Он умер в стенах Эрмитажа летом 1942 г. Вскоре мне пришлось разбираться в материалах его архива, переданного в Отдел нумизматики вместе с его библиотекой. Оказались там и его рабочий комплект таблиц с монетами Петра 1682—1710 гг., и все полностью дореволюционные таблицы II тома с монетами 1711—1718 гг. На них-то и находятся упоминавшаяся выше разметка принадлежности монет к собраниям и следы раздумий Ильина над систематизацией Гилья. Еще один признак убеждает, что таблицы II тома уже находились у Ильина по крайней мере в 1917 г., когда он работал над своей книгой о медных монетах Петра I, выпущенной в 1918 г. у него в «Картографии».²³ Чтобы собрать макет ее таблиц, он выкраивал требовавшиеся изображения из тех таблиц, о которых так много говорилось выше. Книга 1918 г. дает точку отсчета для установления времени их появления у Ильина, скорее всего он получил их непосредственно от Георгия Михайловича. В рукописном эрмитажном Каталоге монет Петра I, составленном Ильиным задолго до моего первого появления в Эрмитаже, во всех описаниях по

²² В мае 1917 г. Георгий Михайлович обратился к Временному правительству с просьбой освободить его от обязанностей управляющего Русским музеем.

²³ Ильин А. Русские монеты: Медная монета с 1700—1725 гг.: Практическое руководство для собирателей. Пг., 1918.

1718 г. включительно имеются отсылки к «несуществующим» таблицам Георгия Мпхайловича.

В годы послеблокадного восстановления Эрмитажа и размещения его отделов на новых местах встретивший меня сотрудник Русского отдела предложил посмотреть какой-то развал русских нумизматических рукописей па библиотеки отдела. В грудe желтоватой крупноформатной линованной бумаги с первого взгляда я опознал знакомую мне по архиву Ильина руку М. Г. Деммени, правившего и готовившего к изданию бесчисленные списки документов 1680—1720-х гг. Выписки писались когда-то на первой странице двойных листов, но бумажный голод 1917—1920-х гг. заставил самого Деммени сперва выдрать все чистые и вторые полулисты, а потом даже выстригать ножницами кусочки неисписанной бумаги. Я обнаружил писанный рукой Деммени исключительно на выдранных чистых полулистах (как положено, на одной стороне листа) черновик каталога II тома монет Петра с 1711 г. начиная с № 1709, при котором имеется отсылка к табл. LVI, 1, и с последней записью внизу л. 121 № 2592, табл. LXXXII, 15 (червонец 1716 г.). Деммени работал увлеченно, проверяя и правильность систематизации Гля. Уловив его ошибку, он делал примечание после описания монеты с отсылкой к табл. LVIII, 32, что здесь монета изображена повторно и имеется «на подобающем ей месте, именно па табл. LVI, под № 26». Еще раз в примечании вполне резонно высказывается уверенность в том, что охватить всю разновидность петровских медных монет — задача явно невыполнимая.

Не сразу смог я разобраться в этом хаосе рукописных листов, имея возможность обращаться к ним только урывками. Деммени (умер в Новгороде в 1920 г., лишь год спустя после великого князя), закончив все, что было в его возможности, с редактированием и систематизацией выписок и явно имея в своем распоряжении, как и Ильин, знакомые нам таблицы II тома, сменяет амплуа архивиста и принимается за Каталог.

Сравнивая возможное количество чистых листов для письма, которое мог дать этот архив, с л. 121 сохранившегося Каталога, я прихожу к убеждению, что подвигицкий труд Деммени частично погубила чистая сторона листов его Каталога, не меньше пяти лет лежавшего без присмотра в опустевших залах Зимнего дворца. Кто-то из обходивших эти залы в страшные блокадные годы взял часть этой рукописи с одной чистой стороной.

Вскоре после находки этих рукописей старый ленинградский коллекционер П. С. Николаев поделился со мной воспоминаниями о том, как около 1937 г. Общество коллекционеров купило у некоей вдовы Арцимович какие-то нумизматические рукописи и передало их в Эрмитаж. Но это никак не могли быть рукописи Деммени — при живом Ильине! Все рукописное собрание Отдела нумизматики сохранилось, и как раз в 1936 г. им была заприходована приобретенная рукопись Каталога собрания Лисенко.

Загадку архива Деммени открывает одна находка в нем самом. Большой лист белой нелинованной бумаги с выполненным кезна-

комой моею рукой «Родословием Яковлевых» (с последним Яковлевым, умершим в 1919 г.) оказался среди бумаг Деммени потому, что кто-то, хранивший рукописи, когда-то накрыл их этим листом в ящике для коране, где они лежали, нашив на нем размяшество карандашом: «Рукописи научных сотрудников ИБО, преимущественно по развитию дореволюционного дела». Старейшие бывшие сотрудницы Русского отдела, помнящие годы его организации, З. А. Бернякович и Л. С. Пискунова, свидетели переходного периода от Историко-бытового отдела Русского музея к Русскому отделу Эрмитажа, предполагают, что эти рукописи мог привезти в Эрмитаж старый хранитель библиотеки Историко-бытового отдела П. Н. Шеффер. Это тем более вероятно, что в прошлом Шеффер — ближайший сотрудник Георгия Михайловича в Русском музее, заведовавший там одним из подразделений.